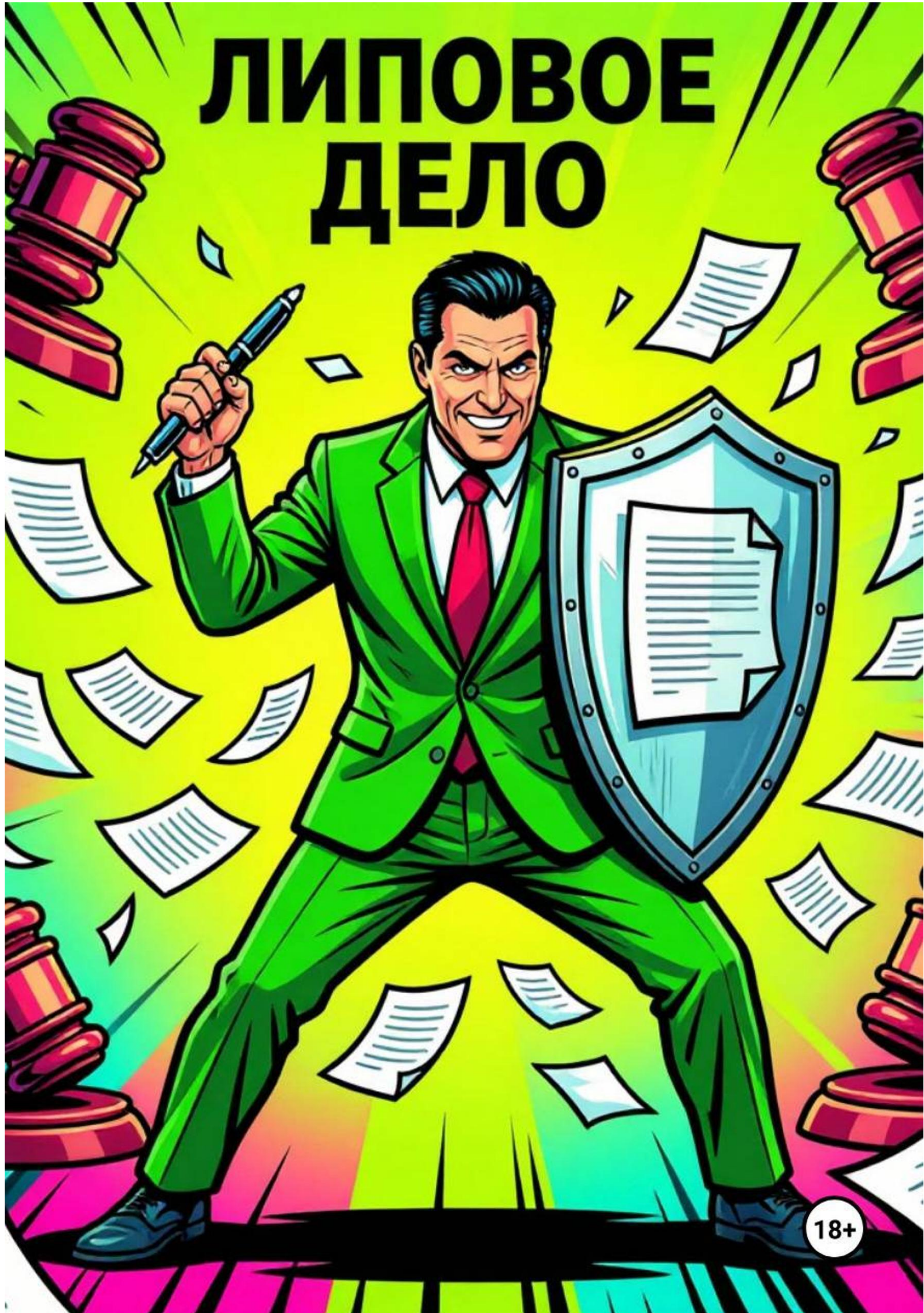

ЛИПОВОЕ ДЕЛО

18+

Стивен Марш
Липовое дело

«Автор»

2026

Марш С.

Липовое дело / С. Марш — «Автор», 2026

Он — Липовый Линди, адвокат, который продал душу мафии, а теперь пытается её выкупить. Но цена искупления выше, чем он думал. Эдди Линден начинал с грошовых защит в вонючей конторе над маникюрным салоном. Чтобы вырваться из нищеты, он стал правой рукой мафиозного клана Донателло. Его талант находить лазейки и делать чёрное белым прославил его как самого грязного адвоката Филадельфии. Но когда он помог скрыть убийство и отправил за решётку невиновного, даже его собственная совесть взбунтовалась. Теперь Эдди — мишень для всех: брат-судья жаждет лишить его лицензии, бывшие «друзья» из мафии хотят заткнуть ему рот, а единственная любящая женщина не может простить предательства. Единственный шанс выжить — инсценировать смерть и начать всё заново. Но прошлое не отпускает: его сын, о котором он не знал, втянут в ту же трясину, а таинственный «Архив» объявляет охоту на всю семью. Сможет ли Липовый Линди обмануть смерть и закон в последний раз? Узнайте на страницах этого романа.

© Марш С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог: Пыль в лучах прожектора	6
Глава 1: Скользящий Эдди	7
Глава 2: Бумажный тигр	9
Глава 3: Синдром самозванца	11
Глава 4: Призраки в архиве	13
Глава 5: Кодекс брата	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Липовое дело

Глава

Название книги: «Липовое дело»

Главный герой: Эдди Линден (в будущем взявший псевдоним «Липовый Линди»).

Сеттинг: Филадельфия, конец 1990-х – начало 2000-х.

Пролог: Пыль в лучах прожектора

Наши дни. Черно-белое изображение, зернистая пленка.

Тесто для корицы лежит на столе серой, безжизненной массой. Руки Эдди Линдена, больше не униженные дешевыми перстнями, а сухие и потрескавшиеся, механически раскатывают его скалкой. Дзынькает таймер духовки. В закулочной торгового центра пахнет сахарной пудрой и хлоркой.

Эдди поднимает глаза — за окном пустынная парковка, залитая слепящим небрасским солнцем. Никакой рекламы, никаких кричащих пиджаков. Только тихое шипение старого телевизора над стойкой с корицей. Показывают рекламу адвоката по автоавариям. Слишком громкий, слишком фальшивый. У Эдди дергается уголок рта — тень прежней усмешки.

Менеджер, прыщавый юнец, бросает ему:

— Линден, убери форму, твоя смена кончилась.

Эдди покорно кивает. В подсобке он садится на перевернутый ящик. Достает из кармана фартука старый, потертый кошелек. Внутри — не деньги, а сложенная вчетверо фотография. Он смотрит на нее долго, невидящим взглядом. На фото — красивая женщина с острым подбородком смеется, прикрывая рот рукой. Сзади надпись выцветшими чернилами: «Ты справишься, Липовый Линди».

Он хотел бы посмотреть видео. Хотел бы снова увидеть движение, услышать *тот* голос. Но нельзя. Даже одна кассета, даже десять секунд эфира — и сигнал запеленгуют. Он знает, как работает система. Он сам учил других замечать следы.

Эдди Линден поправляет седые волосы, некрашенные, зализанные назад. Превращение завершено. Великий аферист растворился в сахарной пудре, боясь поднять голову. Но когда он смотрит в объектив камеры наблюдения, висящей под потолком, его глаза на секунду вспыхивают. Это взгляд загнанного зверя, который выжил. И в этом взгляде — не только страх, но и вызов.

Глава 1: Скользящий Эдди

Десятью годами ранее. Филадельфия.

Пол в зале суда округа Кук был покрыт линолеумом цвета детской неожиданности. Эдди Линден стоял за конторкой защиты и чувствовал, как под мышками расплзаются мокрые круги. Костюм, купленный в «Армии спасения», имел цвет перестоявшего авокадо и пах нафталином. Настоящий язык не поворачивался назвать это «костюмом». Скорее, это был крик о помощи, пошитый из полиэстера.

— Мистер Линден, — судья Фелпс, старик с бровями, похожими на двухдохлых мышей, устало постучал молотком. — Ваш подзащитный обвиняется в том, что разбил стекло, проник в частную собственность и справил нужду в аквариум редких цихлид. Вы настаиваете на «невиновности»?

Эдди бросил взгляд на своего клиента — имбецильного вида парня в футболке с надписью «Пивная йога». Парень радостно кивал головой в такт несуществующей музыке.

— Ваша честь, — Эдди выскочил из-за стола, растягивая лицо в свою самую обаятельную улыбку. Зубы были идеально ровными — единственное, на что он не пожалел денег. — Закон ясен. Проникновение должно быть преступным. Мой клиент не «проникал». Он заблудился. Он думал, что это общественный туалет, и глубоко сожалеет о трагической гибели... э-э... рыбки номер три.

Прокурор, холеная блондинка, даже не подняла головы от бумаг.

— Он разбил стекло кирпичом, мистер Линден. И украл аквариумную кормушку.

— Он пытался спасти рыбок от духоты! — не моргнув глазом выпалил Эдди. — Посмотрите на него. Разве это лицо преступника? Это лицо герпетолога-любителя в состоянии аффекта.

Судья устало потер переносицу. Эдди чувствовал, что проигрывает, что тонет в этом болоте абсурда. Все эти «публичные защитники» были обречены. Им платили копейки, их презирали копы, судьи и даже собственные клиенты.

После заседания — условный срок, возмещение ущерба в 800 долларов за «моральные страдания рыбок», — Эдди вышел на холодное филадельфийское солнце. В кармане лежал чек на его гонорар: 700 долларов. Минус аренда каморки, минус долги... На жизнь оставалось примерно ничего.

Он приехал в офис. Офисом служила подсобка вьетнамского маникюрного салона. За стеной perpetually жужжали бормашины и пахло ацетоном. На раскладном столе лежала табличка: «Эдвард Линден, адвокат по уголовным делам».

Единственным украшением кабинета был постер в рамке — фотография старшего брата, Маркуса Линдена. Маркус в мантии, с серьезным лицом, пожимает руку губернатору. «Юридический гений», «Гордость Филадельфии», «Совесть фирмы “МакКензи и Линден”». Эдди смотрел на фото, и во рту появлялся кислый привкус. Не зависть. Отчаяние. Брат никогда не пустил бы его в свой мир больших денег и светлых кабинетов. Для Маркуса он навсегда оставался «Скользящим Эдди», позором семьи, лжецом.

Телефонный звонок разорвал тишину.

— Линден слушает, — рывкнул он, ожидая очередного алкаша, попавшегося на краже ветчины.

— Эдди? Это Кэсси.

Голос в трубке заставил его мгновенно расслабиться. Кэсси Холт. Она работала в юридической библиотеке. Умная, саркастичная, с вечно растрепанным пучком рыжих волос, заколотых карандашом. Его тайная вера в человечество.

— Ты забыл про обед, — сказала она. — Ты опять судился с реальностью и проиграл?

— В ничью, — улыбнулся Эдди. — Рыбки удовлетворены.

— Зайди вечером. Я достала записи процесса «Беннет против страховой». Там есть интересный прецедент насчет скользящей ответственности. Тебе нужно посмотреть, если хочешь вылезти из этого дерьма.

— Ты мой единственный сообщник, который не требует доли в добыче, — сказал Эдди с теплотой, на которую был способен.

— Я беру плату едой. Купи пищи. И, Эдди... — она замялась. — Твой брат выступал сегодня в суде. Его показывали по новостям. Я записала кассету. Если хочешь...

Эдди повесил трубку. Он не хотел смотреть на Маркуса, вещающего о морали и букве закона. Ему нужно было дело. Серьезное дело, которое вытащит его из этого вонючего маникюрного рая.

И, как это часто бывает в жизни, дьявол услышал его молитвы раньше, чем бог.

Глава 2: Бумажный тигр

Через три дня в «офис» Линдена ввалился не просто клиент. Ввалился подарок судьбы. Мужчина лет пятидесяти, в дорогом кашемировом пальто, которое кричало «я украл пенсию у сотни стариков». Его звали Артур Бреннан. Владелец сети хосписов «Солнечный закат».

Проблема была проста и отвратительна: Бреннана обвиняли в мошенничестве с Medicare. Он выставлял счета за мертвых пациентов, закупал просроченные лекарства и перепродавал их по цене золота.

— Мне нужна агрессивная защита, — Бреннан брезгливо оглядел peeling потолка, с которого свисали сухие нити вьетнамского лака. — Мои основные юристы советуют сделку со следствием. Но я не сяду. Я слышал, вы, Линден, умеете находить... лазейки. Вы готовы испачкать руки?

Эдди сидел, закинув ноги в стоптанных кожаных мокасинах на стол. Он чувал деньги. Серьезные деньги. Сто двадцать тысяч долларов гонорара — сумма, от которой у него пересохло в горле.

— Мистер Бреннан, — лениво протянул Эдди. — «Испачкать руки» — это для мойщиков посуды. Я же предлагаю вам хирургическую операцию. Мы просто поменяем перчатки.

Эдди взял папку с обвинительным заключением. Оно было безупречным. Свидетели, бумаги, подписи. Брат сказал бы: «Ты должен убедить его сдаться, это чудовище». Но брата здесь не было. Была только Кэсси, которой он вечером с восторгом рассказывал о деле, и которая, поджав губы, спросила: «Ты уверен, что хочешь защищать человека, который воровал обезболивающее у умирающих?»

Эдди тогда отшутился: «Абсолютно не существует. Есть только процент вероятности».

Целую неделю Эдди жил в библиотеке, среди пахнущих плесенью сводов законов. Он искал не истину. Он искал трещину. И нашел. В самом конце тома «Санитарных норм штата Пенсильвания, параграф 409, пункт 12-б». Понятие «субъективной оценки критического состояния пациента». Проще говоря, если пациент в момент подачи счета еще не был официально объявлен мертвым патологоанатомом, а лишь «клинически угасшим» по мнению медсестры, то начисление средств могло считаться бюрократической ошибкой, а не мошенничеством.

Это была чушь. Это была софистика. Но это была лазейка, достойная великого афериста.

— Они не смогут доказать злой умысел! — кричал Эдди в трубку Бреннану, расхаживая между стиральными машинами в подвальной прачечной (там был самый устойчивый сигнал). — Мы завалим их сотнями ходатайств об уточнении времени смерти! Мы превратим суд в балаган из медицинских карт! Присяжные уснут, прокурор повесится, а судья просто закроет дело, чтобы не сойти с ума. Это будет моя «Липовая оборона»! Дадим каждому пациенту по два дня призрачной жизни за счет государства.

— Вы сумасшедший, Линден, — прохрипел Бреннан с благоговейным ужасом.

— Нет, что вы. Я адвокат, — поправил его Эдди. — И вы мне должны сто двадцать штук.

На предварительных слушаниях Эдди Линден блистал. Он размахивал бумагами, рассыпал медицинские термины, путал свидетелей обвинения. Прокурор, молодой человек с ямочками на щеках, смотрел на него с ужасом, как на сбежавшего из зоопарка мандрила. Эдди превратил трагедию умерших стариков в скучнейший бухгалтерский диспут. Он нагло, беспринципно топил правду в бумажной волоките. И это работало.

Дело «Штат против Бреннана» стало местной сенсацией. Об Эдди заговорили. Его фотография даже появилась в газете — правда, на задворках, в рубрике «Самые грязные трюки месяца». Он вырезал эту заметку и приклеил скотчем к стенке туалета в маникюрном салоне.

Окрыленный, с чеком на первый транш в кармане (20 тысяч!), Эдди примчался к Кэсси. Он ворвался в ее тихую библиотеку, словно вихрь, схватил в охапку и закружил.

— Я сделал это! Кэсси, ты видела?! Я порвал их на британский флаг!

Кэсси вывернулась, поправила растрепанные волосы.

— Я видела, Эдди, — тихо сказала она. — Ты был великолепен. И омерзителен. Ты оправдал человека, который убил надежду у сотен семей.

— Я оказал ему юридическую помощь! — запальчиво возразил Эдди, чувствуя, как эйфория сдувается.

— Ты подал им дерьмо на блюде и сказал, что это шоколадный мусс. В этом весь ты. Когда ты перестанешь пытаться впечатлить мертвеца?

— Какого мертвеца? — не понял Эдди.

— Своего брата, — отрезала Кэсси. — Маркусу плевать на твои победы. Он никогда не признает тебя, потому что ты играешь грязно. Но еще хуже то, что ты сам не можешь признать себя без его одобрения.

Она сунула ему в руки старую видеокассету. Эдди почувствовал резкий укол вины. Не за Бреннана. За себя.

Вечером он сидел в своей камерке и смотрел запись. Маркус Линден стоял на ступенях суда и давал интервью о каком-то прецеденте в Верховном суде. Безупречный костюм, чеканный профиль, ледяной взгляд. Журналист спросил: «Мистер Линден, как вы относитесь к тому, что ваш брат, Эдвард, ведет скандальное дело Бреннана?»

Маркус не поморщился, не улыбнулся. Просто посмотрел прямо в камеру, и Эдди показалось, что брат смотрит сквозь экран прямо ему в душу.

— Я не комментирую действия лиц, чьи методы не имеют ничего общего с законом. Моему брату стоило бы выбрать другую профессию. Например, конференсье в дешевом кабаре. Или продавца подержанных автомобилей. Там его таланты были бы уместны.

Кассета кончилась. Экран покрылся рябью снега. Эдди не дышал. Одиночество накрыло его с головой. Он разорвал газетную вырезку в клочья. Но запихнул деньги в ящик стола. Он докажет Маркусу. Чего бы это ни стоило.

Глава 3: Синдром самозванца

Деньги — странная штука. Они не снимают боль, но действуют как отличная анестезия. Эдди переехал из маникюрного салона в нормальное помещение. В здании был лифт, который иногда даже работал. На двери красовалась скромная золотая табличка: «Эдвард Линден. Адвокат».

Но самый главный улов требовал не денег, а статуса. И случай подвернулся.

В кабинет, застенчиво стуча, вошла пожилая женщина в старомодной шляпке, похожей на увядший пион. Айрин Дэниелс. Она была из числа «пенсионеров Сандайвера» — сообщества стариков, которых Эдди искренне любил и которым помогал составлять завещания за чисто символическую плату. Айрин держала в руках коробку из-под обуви.

— Мистер Линден, — прошелестела она. — Я в отчаянии. Дом престарелых «Сандридж Лайф» выселяет нас. Меня, мистера О'Бэннона, всех... Они говорят, мы задерживаем квартплату, но это ложь!

Эдди взял папку. Из коробки посыпались квитанции, чеки, каракули, набросанные дрожащей рукой. Это был запутанный клубок бухгалтерских махинаций, где пенсионерам начисляли проценты за воздух.

Он видел два пути. Первый: классический групповой иск. Скука. Бумажки на год вперед. Денег — ноль, суды с юристами корпорации. Второй...

— Миссис Дэниелс, — Эдди подсел к ней ближе, его глаза загорелись знакомым азартным огнем. — А что, если мы не пойдем в суд?

— А куда же? — удивилась старушка, поправляя очки.

— Мы устроим им суд народный. Точнее, суд их собственной жадности. Это дело мы будем вести не ордерами, а кастрюлями.

Идея была безумной и гениальной. Жилой комплекс «Сандридж Лайф» принадлежал крупной инвестиционной компании, которая сейчас вела переговоры о слиянии с японцами. Любая публичная истерика могла сорвать сделку.

Эдди вооружил свой «пенсионный спецназ» всем необходимым. На следующий день дряхлые, но боевые старики и старухи вышли к парадному входу головного офиса корпорации с самодельными плакатами: «Мы не ваши мертвые души!», «Отдайте наши сбережения!». Эдди, надев свой лучший фиолетовый пиджак, собрал прессу, включая телевизионщиков с канала «Action 5 News».

— Леди и джентльмены! — вещал он в объективы камер, стоя на фоне инвалидных колясок и кастрюль, в которые били ложками. — Вы видите агонию справедливости! Корпоративные акулы выбрасывают на улицу героев войны и учителей! Я, Эдди Линден, буду драться как лев, пока... пока мои подопечные не получат свои кастрюли с деньгами обратно!

Репортаж вышел скандальный. Эдди кривлялся, врал, преувеличивал убытки в десять раз. Но он делал это ради Айрин, а не ради денег. Это было его искупление за Бреннана. И это было чертовски весело.

Юристы «Сандридж» сдались через два дня. Они согласились на мировую: списать все фиктивные долги, оставить жильцов в покое и выплатить компенсацию за «причиненное неудобство» без признания вины.

Победа! Чистая, безоговорочная. Вечером в актовом зале дома престарелых гремел патефон. Старики танцевали фокстрот, Эдди пил дешевый пунш и чувствовал себя почти святым. Айрин подошла к нему, сжимая в руках конверт.

— Мистер Линден, вы чудо. Мы не можем заплатить вам столько, сколько стоят такие адвокаты, но мы собрали... кто сколько мог. Тут немного.

Эдди открыл конверт. Внутри лежали мятые купюры по одному и пять долларов. И записка детским почерком: «Спасибо, что не дал умереть на улице». Он зажмурился. Отказаться? Конечно нет. Он взял символическую сотню, а остальное сунул обратно в сумочку Айрин.

— Купите новые пластинки, — сказал он, шмыгнув носом. — Только Элвиса не берите, от него радикулит.

Выйдя на крыльцо, он вдохнул прохладный воздух. На душе было легко. Возможно, впервые за долгие годы. Возможно, этого хватит, чтобы измениться? Возможно, он сможет быть просто «хорошим парнем Эдди»?

В этот момент зазвонил телефон. Номер был незнакомый, на экране высветилось: «Таксофон».

— Алло?

— Линден? Это Ховард Уинтерс, — голос был сухим и напряженным. Уинтерс был правой рукой Маркуса, старшим партнером в фирме брата. — Твой перформанс с пенсионерами видели все. Это было... впечатляюще.

Эдди самодовольно ухмыльнулся: «Неужели Маркус смягчился? Неужели старый сноб решил позвать меня в семейный бизнес?».

— Уинтерс, если вы насчет сотрудничества, то у меня плотный график, но я могу выкроить окошко за ужином в «Барклае», — начал он свою обычную браваду.

— Заткнись и послушай, — оборвал его Уинтерс. — Твое дело с Бреннаном. Ты выиграл на «мертвых душах» и бюрократической ошибке. Это было умно. Слишком умно. Откуда ты узнал про санитарные нормы параграфа 409? Ты вообще не специализировался на медицинском праве.

Эдди почувствовал, как сердце пропустило удар.

— Я хожу в библиотеку. Там есть книги. Знаете, такие штуки без кнопок.

— Не паясничай, — в голосе Уинтерса послышалась сталь. — У нас тут проблема. Кто-то сдал твою стратегию Бреннана конкурентам. В фирме утечка. И единственный посторонний, который копал эту тему, — ты.

— Это бред! — взорвался Эдди. — Я сам придумал эту защиту! Я ночами не спал, пока вы там лощеные пили виски в клубе!

— Твой брат в бешенстве, Линден. Он считает, что ты рылся в его бумагах. Что ты украл интеллектуальную собственность фирмы, чтобы отмазать преступника. Не приходи в офис. Не звони. Если подтвердится... Маркус сказал, что лично проследит, чтобы тебя лишили лицензии. Навсегда.

Гудки. Короткие, безжалостные гудки. Эдди стоял под фонарем, сжимая телефон так, что побелели костяшки пальцев. Вся радость от вечера с пенсионерами превратилась в пепел. Внутри закипала знакомая смесь обиды и ярости. Синдром самозванца ударил по нему с новой силой. Значит, всё, чего он достиг, — плод воровства? Значит, он не юрист, а просто жалкий воришка?

Он поднял голову к темному небу Филадельфии. Где-то там, в сияющих небоскребах, его брат уже выносил приговор. Эдди Линден снова загнали в угол. И, как учил его весь предыдущий опыт, в углу он становится наиболее опасным.

Он не знал, что делать: бежать к брату и унижаться, доказывая свою невиновность, или... ответить ударом на удар? И что за тень по имени Уинтерс нависла над их семьей? Сможет ли Кэсси, его рыжеволосая совесть, спасти его от самого себя на этот раз?

Глава 4: Призраки в архиве

Ночь после звонка Уинтерса Эдди провел без сна. Он сидел в своем новом, еще пахнущем краской офисе и курил одну сигарету за другой, чего не делал со времен юридической школы. Пепельница — жестяная банка из-под газировки — быстро наполнилась окурками, похожими на сломанные зубы. Мысли метались, как крысы в лабиринте: брат, Уинтерс, параграф 409, Бреннан, Кэсси. Кассета с записью интервью Маркуса валялась на столе, и Эдди несколько раз порывался разбить ее каблуком, но всякий раз останавливался.

Около трех часов ночи он не выдержал и набрал номер Кэсси. Она сняла трубку после первого же гудка, словно ждала.

— Я разбудил тебя? — хрипло спросил Эдди.

— Я не спала. Перебирала дела по твоему Бреннану. Пыталась понять, что могло утечь и откуда, — голос у Кэсси был сосредоточенный, деловитый. — Ты звучишь так, будто проглотил гвоздь.

— Меня подставили, Кэсси. Брат считает, что я залез в его святая святых и украл идею. А я даже не знаю, где находится их сраный архив.

— Значит, надо выяснить.

Она приехала через сорок минут на стареньком «вольво», привезя с собой термос с кофе и папку с распечатками. Они устроились на продавленном диване в углу кабинета, и Кэсси разложила на журнальном столике схему.

— Я проверила все твои перемещения за последний месяц, — начала она, втыкая в карту города булавки с цветными головками. — Библиотека, суд, хоспис Бреннана, дом престарелых «Сандридж», прачечная, закусочная «У Фрэнка». И ни разу — офис «МакКензи и Линден». Ты даже близко к их небоскребу не подходил.

— Это и ежу понятно, — буркнул Эдди. — Меня туда на порог не пускают. Но Уинтерс сказал, что Маркус уверен. Значит, они что-то нашли. Или сфабриковали.

Кэсси задумчиво прикусила колпачок ручки. Рыжие волосы, как всегда, торчали в разные стороны, и Эдди вдруг почувствовал острый прилив нежности, смешанной с отчаянием. Она была единственным человеком, которому он верил безоговорочно.

— Есть один вариант, — медленно произнесла Кэсси. — Я работала в их библиотеке три года назад, до того как перешла в публичную. У меня сохранился гостевой пропуск. Он просрочен, но система безопасности в «МакКензи» — дырявое решето. Если пробраться туда ночью, можно попасть в архив. Там хранятся все внутренние меморандумы, переписка партнеров, черновики стратегий. Если твоя защита Бреннана действительно была украдена из фирмы, должны остаться следы.

Эдди уставился на нее круглыми глазами. Он ожидал чего угодно — сочувствия, обещаний, предложения напиться, — но не плана по взлому и проникновению в святая святых брата.

— Ты хочешь, чтобы мы вломились в офис к Маркусу? — переспросил он.

— Мы не будем ничего ломать. Просто войдем, посмотрим и выйдем. Это не кража, Эдди. Это поиск истины.

— Истина, говоришь... — он нервно хохотнул. — Кэсси, ты самая опасная женщина из всех, кого я знаю. Я обожаю тебя.

Он схватил ее за руку и поцеловал в висок. И впервые за эту кошмарную ночь ему стало чуть легче.

Два дня ушло на подготовку. Кэсси достала старый пропуск и подделала дату с помощью ламинатора, утащенного из библиотеки. Эдди, в свою очередь, раздобыл у одного из своих бывших клиентов — медвежатника со стажем — набор отмычек и миниатюрный фонарь, замаскированный под ручку. Все это напоминало ему былые времена «Скользкого Эдди», когда он проворачивал аферы в барах и на ипподромах, и, признаться честно, вызывало пьянящий, почти забытый азарт.

В ночь на субботу, когда деловой центр Филадельфии вымер, они припарковались за два квартала от небоскреба «МакКензи и Линден». Здание из стекла и стали вздымалось вверх, как колосс на глиняных ногах. Эдди глянул на окна двадцатого этажа — там, за тонированными стеклами, вершились судьбы. Судьба его брата. И, возможно, его собственная.

Кэсси провела просроченным пропуском по считывателю служебного входа. Замок щелкнул и загорелся зеленым. Она выдохнула:

— Я же говорила. Дырявое решето.

Они скользнули внутрь, стараясь не шуметь. Ночной охранник дремал в вестибюле перед мониторами — Эдди знал это расписание благодаря все тому же медвежатнику, который когда-то работал в этом здании грузчиком. Лифт не работал на верхние этажи без специального ключа, поэтому они поднялись по пожарной лестнице пешком. Двадцать этажей в полной тишине, лишь шум собственного дыхания и стук сердца в висках.

Архив располагался в цокольном крыле, примыкавшем к библиотеке. Дверь была заперта на электронный замок, но Кэсси подключила к нему какой-то приборчик, напоминающий калькулятор, и через минуту замок сдался с мелодичным писком.

— Откуда у библиотекаря такие таланты? — прошептал Эдди.

— Работа скучная, а курсы по хакингу — увлекательные, — парировала она.

Внутри пахло старой бумагой, пылью и чем-то химическим — то ли клеем, то ли чернилами для принтера. Стеллажи уходили под потолок, забитые коробками с маркировкой. Кэсси быстро нашла нужную секцию: «Дела партнеров. Линден М.». Маркус Линден.

Эдди замер. Открыть эту коробку значило пересечь черту. Когда-то он поклялся себе, что больше никогда не будет рыться в чужих вещах, доказывая всем, что стал другим человеком. Но сейчас выбора не оставалось.

Они начали перебирать папки. Протоколы совещаний, копии исков, счета. И вдруг — желтая папка с грифом «Конфиденциально. Анализ стратегии защиты по делу “Штат против Бреннана”». Дата стояла тремя днями раньше, чем Эдди впервые озвучил свою идею о параграфе 409.

У него похолодели пальцы. Он раскрыл папку. Внутри лежал меморандум за подписью Ховарда Уинтерса, адресованный Маркусу. Текст гласил:

«Маркус, ознакомься. Твой брат вновь суетится вокруг отбросов общества. Этот Бреннан — мешок с деньгами. Прилагаю возможные линии защиты, которые могут прийти в голову такому проходимцу, как Эдвард. Рекомендую упредить его действия и использовать аналогичную стратегию для нашего клиента в смежном процессе (дело “Олдбридж Инвестментс”). Если Линден-младший выиграет на “мертвых душах”, мы выиграем вдвойне. Параграф 409 СанПиН — идеальная лазейка. Прошу утвердить».

У Эдди помутилось в глазах. Он не крал идею. Они украли ее у него — еще до того, как он ее придумал. Уинтерс просто спрогнозировал ход мыслей «проходимца» и хотел украсть идею для своего корпоративного клиента. Но то ли Маркус не утвердил, то ли что-то пошло не так — в любом случае, теперь они использовали этот документ, чтобы обвинить его в воровстве.

— Вот же гнида, — прошептал он, сжимая бумагу.

Кэсси заглянула через плечо и побледнела.

— Эдди, тут есть пометка Маркуса. Смотри.

На полях меморандума было написано от руки, явно нервным, ломаным почерком Маркуса: «Ховард, не смей. Это мой брат. Я запрещаю использовать его методы. М.Л.»

Но ниже, другим, более поздним почерком — уже не таким твердым, с дрожащими линиями, — приписка: «Впрочем, чему я удивляюсь? Скользкий Эдди всю жизнь таскал из моего кармана. Проверь, не рылся ли он в моих документах. М.»

— Он подозревал меня задолго до Бреннана, — глухо сказал Эдди. — Но сначала защитил. А потом... что это за вторая пометка? Почерк больной. Ты видишь?

Кэсси пригляделась. Она была экспертом в почерковедении — одно из ее многочисленных хобби.

— У Маркуса либо очень сильно дрожали руки, либо... это писал человек в состоянии сильнейшего стресса или неврологического расстройства. Буквы плывут, нажим неравномерный. Эдди, твой брат, возможно, болен.

Эдди отшатнулся. Его брат — непогрешимый, холодный, стальной Маркус — болен? Немошен? В голове пронеслась картинка из детства: старший брат, здоровый, румяный, учит его, мелкого, запускать воздушного змея. Тогда Маркус еще любил его.

— Уходим, — прошептала Кэсси, потянув его за рукав. — Мы нашли, что искали. Здесь нельзя оставаться.

Эдди сфотографировал документы на телефон — старенькую «Нокию», которую он не променял бы ни на что, — и они покинули архив тем же путем. Спускаясь по лестнице, он чувствовал, как внутри закипает черная, удушающая ярость. Не на брата. На Ховарда Уинтерса, который играл людьми, как пешками. И на себя — за то, что всю жизнь бежал от репутации вора, а в итоге все равно оказался обокраденным.

На улице их встретил холодный предрассветный ветер. Кэсси обняла Эдди, прижалась к его плечу.

— Ты не виноват, — сказала она. — Ты слышишь? Ты не вор.

— Я знаю, — соврал Эдди. Потому что пальцы все еще помнили тяжесть отмычек, а в груди теплилось самое опасное чувство: желание ответить. — Но я еще покажу им, кто такой Липовый Линди.

Глава 5: Кодекс брата

Прошла неделя. Эдди не звонил Маркусу, не отвечал на звонки Уинтерса, который пытался прощупать почву, делая вид, что ничего не произошло. Вместо этого он, как одержимый, собирал информацию. Кэсси подняла все возможные медицинские записи (разумеется, неофициально) и выяснила, что Маркус Линден полгода назад консультировался у лучшего невролога штата. Диагноз не разглашался, но один медбрат, задолжавший Эдди услугу за успешную защиту по делу о краже в аптеке, шепнул по секрету: «Ранняя стадия деменции с тельцами Леви. Прогрессирующая. Иногда — паранойя, галлюцинации, резкие перепады настроения».

Эдди выслушал это, стоя на заплеванной автобусной остановке, и впервые за долгое время почувствовал не ярость, а свинцовую тяжесть вины. Брат угасал. А он, Эдди, вместо того чтобы быть рядом, вынашивал планы мести.

В субботу утром, набравшись храбрости, он сел в машину и поехал в пригород, где в особняке за высоким забором жил Маркус. Этот дом он помнил с юности, но бывал в нем всего дважды — и оба раза как незваный гость. Сегодня он не стал звонить в ворота, а просто вошел через незапертую калитку для садовника и подошел к задней двери, ведущей на кухню.

В доме стояла гулкая, нежилая тишина. Запах антисептика смешивался с ароматом старой мебели. Он прошел через пустую гостиную с камином, облицованным мрамором, и замер. В кабинете, спиной к нему, сидел Маркус. Он был один, в домашнем халате, перед включенным монитором компьютера, на котором светилась заставка с логотипом «МакКензи и Линден». Но он не работал — он просто смотрел в одну точку, слегка покачиваясь.

Эдди кашлянул.

— Маркус.

Брат вздрогнул и резко обернулся. Эдди поразились переменам: всегда безупречно выбритое лицо заросло седой щетиной, глаза ввалились, а под ними залегли глубокие синие круги. Но взгляд оставался ясным, цепким — по крайней мере, в эту секунду.

— Эдвард... — голос был хриплым, но не враждебным. — Ты пришел. Ховард говорил, что ты скрываешься.

— Ховард много чего говорит, — Эдди прошел в кабинет и без приглашения сел на стул напротив брата. — Я пришел не для того, чтобы оправдываться. Я пришел сказать, что знаю про твою болезнь.

Маркус дернулся, как от удара током. Рука, лежавшая на столе, заметно задрожала, и он поспешно убрал ее под стол.

— Болезнь? — переспросил он, пытаясь изобразить презрение. — Ты вздумал меня разжалобить, мелкий мошенник? Придумал сказку про больного брата, чтобы я забыл, как ты обокрал мою фирму?

— Я не воровал твой параграф 409, Маркус! — Эдди подался вперед. — Я сам до него допер, ночами сидел в библиотеке! А вот Уинтерс знал о нем еще до того, как я открыл рот! У меня есть доказательства. Он составил меморандум, где предлагал украсть мою будущую стратегию для другого клиента. Ты сам написал на нем: «Я запрещаю». А потом, дрожащей рукой, обвинил меня в краже. Ты помнишь это, Маркус? Помнишь?!

Маркус застыл. Его глаза заматались, словно он пытался поймать ускользающую мысль. Потом он вдруг как-то обмяк и провел ладонью по лицу — жестом бесконечно усталым и беззащитным.

— Я... я не помню второй записи, — прошептал он. — Совсем не помню. Но я помню, как Ховард принес мне эту папку. Помню, как сказал, что ты рылся в моем столе. И я поверил. Потому что это так на тебя похоже, Эдвард. Ты всю жизнь был... скользким.

Эдди проглотил горький ком.

— Я скользкий, да. Но я не ворую у своих. Никогда не воровал, — он сунул руку в карман и вытащил смятую распечатку меморандума. — Посмотри. Вот твой почерк. Вот твое «не смей». А вот — уже болезненное, дрожащее продолжение. Ты не верил, что я могу быть честным. Но первая твоя реакция была правильной. Ты защитил меня. Пусть мысленно, но защитил. А потом Уинтерс воспользовался твоей... твоим состоянием, чтобы убедить тебя в обратном.

Маркус долго вглядывался в бумагу, шурясь и поднося лист к самым глазам. Потом уронил его на стол и закрыл лицо ладонями. Плечи его затряслись. Эдди с ужасом понял, что старший брат, его недостижимый идол и мучитель, плачет. Тихо, беззвучно, по-стариковски.

— У меня деменция, — сказал Маркус глухо. — Мозг превращается в труху. Иногда я просыпаюсь и не помню, какой сейчас год. Иногда мне кажется, что ты все еще мелкий сорванец, который стащил у меня десять долларов на бейсбольные карточки. А потом — что ты матерый преступник, которого нужно остановить. Ховард... он помогает мне скрывать это от партнеров. Но он же и пользуется моими провалами. Подсовывает бумаги, которые я подписываю не глядя. Я стал его марионеткой, Эдвард.

Эдди ощутил, как земля уходит из-под ног. Все обиды, вся ревность, все детские слезы, выплаканные в подушку из-за холодности брата, вдруг сжались в тугой комок и рассыпались прахом. Перед ним сидел не титан, не судья, не божество. Умиравший, испуганный человек.

— Почему ты не сказал мне? — тихо спросил Эдди. — Я мог бы помочь.

— Ты? — Маркус горько усмехнулся. — Ты всю жизнь боролся с системой. А я был частью этой системы. Я думал, ты будешь рад моему падению. Скажешь: «Так тебе и надо, старый дурак».

— Я так никогда бы не сказал, Маркус. Ты мой брат. Единственный.

Маркус поднял на него глаза, и в них впервые за долгие годы мелькнуло что-то похожее на прежнюю, забытую теплоту. Он протянул дрожащую руку через стол. Эдди, сглотнув, пожал ее. Ладонь брата была сухой и ледяной.

— Ховард готовит документы на лишение тебя лицензии, — сказал Маркус. — Он воспользуется моей подписью. Я уже не смогу давать показания в суде — любой адвокат размажет меня за минуту. Ты должен остановить его.

— Как? — спросил Эдди.

— Уничтожь его, — прошептал Маркус. — Сделай то, что я не успел. Я всю жизнь учил тебя, что закон — это святыня. Но правда в том, Эдди... что закон — это дубина в руках того, кто сильнее. Если ты не научишься ей орудовать, тебя раздавят. А ты всегда умел драться грязно. Я презирал тебя за это. Но сейчас... я прошу тебя — сжульничай. Ради меня.

Эти слова ударили в самое сердце. Всю жизнь Маркус твердил, что честность — единственный путь. И вот теперь, на краю бездны, он давал Эдди отпущение грехов. Разрешение стать тем, кем Эдди всегда боялся быть.

Они проговорили до вечера. Маркус рассказывал о своем страхе, о том, как хотел позвонить Эдди десятки раз, но гордость не позволяла. Эдди слушал, иногда смеялся, иногда молчал. Под конец, когда за окном сгустились сумерки, Маркус уснул прямо в кресле, утомленный разговором. Эдди накрыл его пледом и вышел, стараясь не шуметь.

На пороге он остановился и посмотрел на спящего брата. Грудь Маркуса мерно вздымалась и опускалась. Он напоминал ребенка — беспомощного и беззащитного. Эдди пообещал себе две вещи: первая — защитить Маркуса от Уинтерса; вторая — никогда не стать таким же черствым истуканом.

Вернувшись в город, он первым делом позвонил Кэсси.

— Я встречался с ним. Это был... самый тяжелый разговор в моей жизни. Но мы помирились. Кажется.

— Я рада за тебя, — искренне сказала она. — И что теперь?

— Те

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.